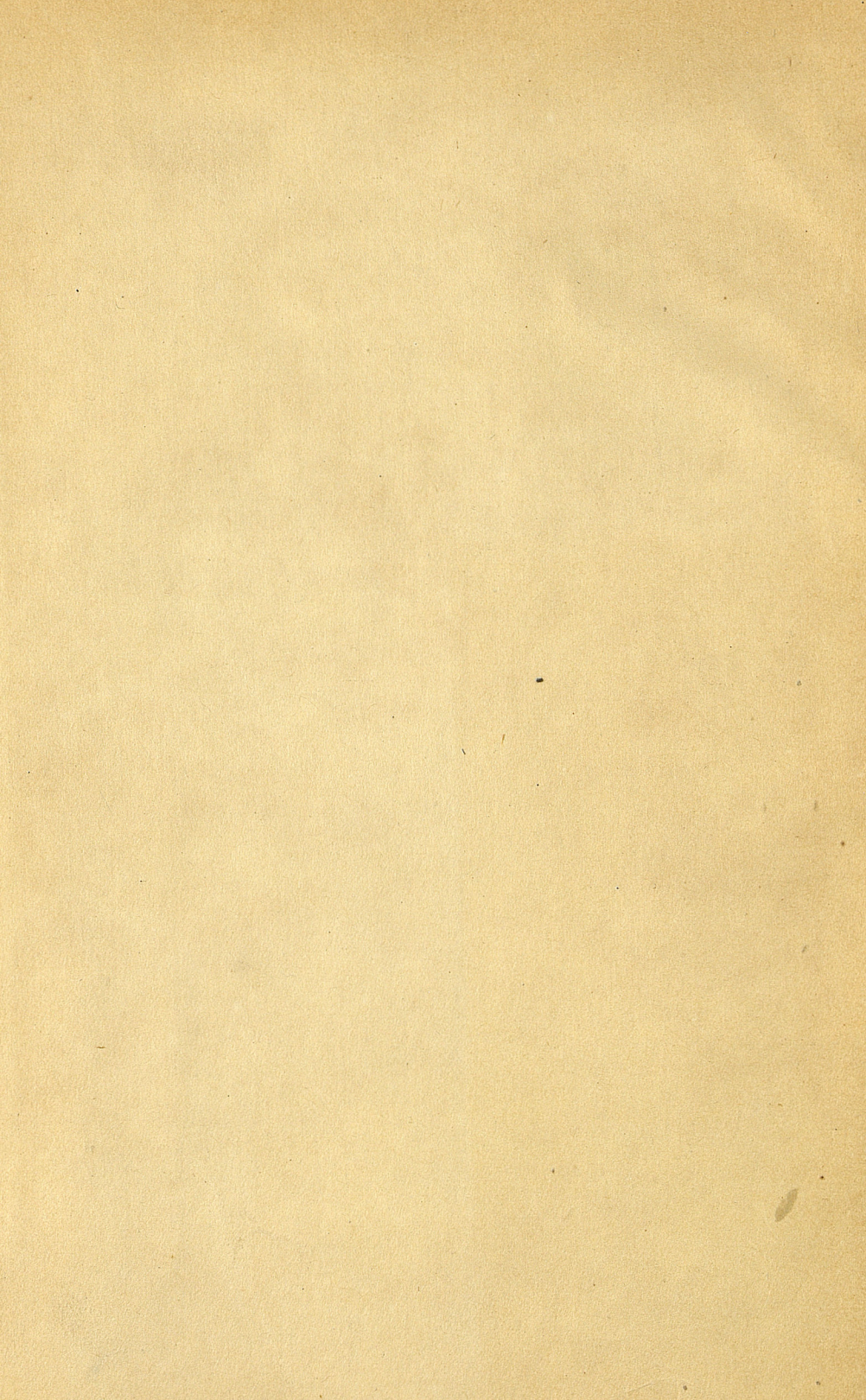

28

7 75

378.
РУССКОЕ ЖИРОСОЗЕРЦАНІЕ

8.

ПАМЯТИ
ТЕРТІЯ ИВАНОВИЧА
ФИЛИППОВА

Ав. ВАСИЛЬЕВЪ.

Издание второе.

ПЕТРОГРАДЪ.

Печатня М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнерева съ тов-щи), Фонтанка, 117.

1907.

8.

ПАМЯТИ ТЕРТІЯ ИВАНОВИЧА ФИЛИППОВА

Аѳ. ВАСИЛЬЕВЪ.

Читано 10 февраля 1900 г. въ Союзѣ ревнителей русскаго слова.

ПЕТРОГРАДЪ.

Печатня М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнерева съ тов-щи), Фонтанка, 117.
1907.

УДК 37.01:37.01:37.01

8

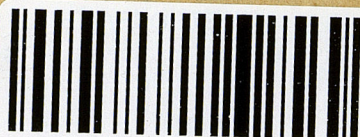
ПАМЯТИ

ТЕПЛИХИ НАВИАХОВИЧА

ФОНТИНОВА

А. ВАСИЛЬЕВ

Полное собрание сочинений А. В. Васильева. В 10 томах. Т. 10. М.: Издательство «Лань», 2000. 160 с.

2011110290

Памяти Тертія Ивановича Филиппова.

Читано 10 февраля 1900 г. въ Союзѣ ревнителей русскаго слова.

«Кто бо вѣсть отъ человѣкъ, яже
въ человѣцѣ, тоцію духъ человѣка,
живущій въ немъ».

Коринѣ. I, 2, 11.

На мою долю выпала честь первому произнести въ этомъ собраніи слово о недавно отошедшемъ отъ насъ въ вѣчность Тертіи Ивановичѣ Филипповѣ, которому, вмѣстѣ съ Л. Н. Модзалевскимъ, Союзъ ревнителей русскаго слова обязанъ своимъ возникновеніемъ, подѣ почетнымъ предсѣдательствомъ котораго происходили собранія учредителей Союза и выработанъ его уставъ.

Открывая первую, такимъ образомъ, общественную тризну по этомъ достославномъ русскомъ человѣкѣ, я не могу говорить о немъ по отношенію только къ нашему Союзу и его задачамъ и промолчать о другихъ сторонахъ его богато одаренной Богомъ личности, о другихъ его трудахъ во благо родного народа.

А какъ, по Писанію, никто не знаетъ такъ человѣка, какъ духъ человѣка, живущій въ немъ, то, чтобы воскресить предъ вами духовный образъ Тертія Ивановича, я буду свидѣтельствовать о немъ преимущественно его же собственными словами.

Глубокъ и любвеобиленъ былъ духъ этого человѣка, и разнообразна и многоплодна была его дѣятельность.

Это былъ прежде всего искренній, не по имени только, христіанинъ; и не мертва, но дѣятельна была вѣра его. Онъ непостыдно исповѣдывалъ ее и жилъ по ней: ею опредѣлялъ онъ свои отношенія и обязанности къ Церкви, къ государству, обществу и отдѣльнымъ людямъ.

Вотъ, въ 1854 г., слѣдовательно, въ началѣ своего почти полувѣкового жизненнаго подвига, учитель русскаго языка и словесности Первой московской гимназіи, Т. И. Филипповъ произноситъ въ торжественномъ собраніи гимназіи замѣчательную рѣчь «О началахъ русскаго воспитанія», въ которой онъ такъ впервые исповѣдалъ намъ свою задушевную мысль, свое твердое убѣжденіе въ томъ, что религія, и именно христіанство и православіе, есть единственно прочная и вѣрная основа истинно человѣческаго воспитанія и единственно вѣрное руко-

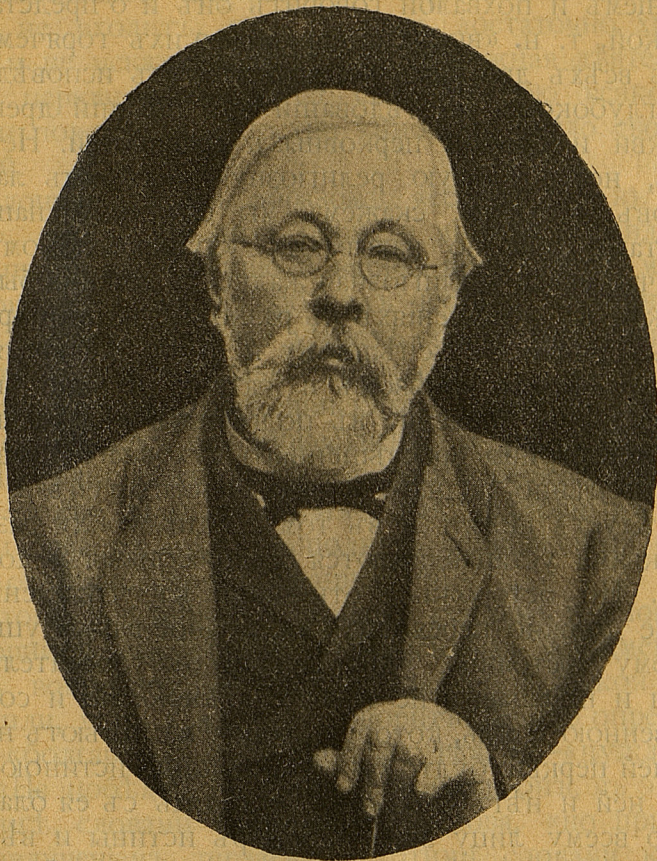
водящее начало жизни и для отдѣльнаго человѣка и для цѣлаго народа:

«Основаніемъ дѣлу воспитанія служить религія: она воспитываетъ въ насъ тѣ вѣчныя, всеобщія стихіи духа, которыя необходимы всякому человѣку безъ различія мѣста, времени и народности. Хотя она собственно приготовляетъ насъ къ жизни, ожидающей человѣка по ту сторону гроба, но въ ней находится единственное руководство и для нашего земного пути: ибо только тотъ способенъ пройти безпреткновенно путь земной жизни, кто видитъ въ ней приуготовленіе къ вѣчности, а не заключаетъ въ ея тѣсныя предѣлы всѣхъ своихъ ожиданій. Науки и искусства суть цвѣтъ человѣческой дѣятельности: онѣ не только украшаютъ и услаждаютъ нашу жизнь, но и составляютъ существенную ея принадлежность, безъ коей нѣтъ полноты жизни; однако, благо человѣку и народу, который въ составъ своей жизни отводитъ имъ принадлежащее имъ мѣсто и не теряетъ изъ виду ихъ отношенія къ высшей, духовной дѣятельности человѣка—религіозной. Въ противномъ случаѣ изъ орудій блага онѣ становятся источникомъ частнаго и общественнаго зла, разрушаютъ внутренний міръ человѣка и благосостояніе общества.

«Мы знаемъ, что Западъ стоитъ во главѣ человѣчества въ дѣлѣ знаній и искусствъ, однако замѣчаемъ тамъ крайнее смущеніе совѣсти въ отдѣльныхъ лицахъ и страшное колебаніе всѣхъ общественныхъ основъ въ государствахъ. Причины тому очевидны. Оторвавшись отъ истинныхъ началъ жизни, проповѣданныхъ Евангеліемъ, западный человѣкъ имѣетъ для нея новыхъ основаній и, разумѣется, не находитъ: ибо ихъ нѣтъ. Все, что бы ни создалъ человѣкъ самъ отъ себя взамѣнъ отвергнутой имъ истины, все будетъ ложь: до истинныхъ законовъ человѣческаго естества не можетъ возвыситься наше поврежденное умствованіе,—они открыты только божественному вѣдѣнію. Итакъ, въ основаніе человѣческаго воспитанія должно положить ученіе христіанское: оно одно можетъ указать человѣку, въ чемъ состоитъ истинное просвѣщеніе, истинная добродѣтель и истинное счастье, безъ него онъ нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ни счастливъ самъ, ни полезенъ другимъ.

«Но, говоря о христіанскомъ воспитаніи, мы не должны забывать и того, что оно должно быть не какое иное, какъ предлагаемое Православною Церковью: ибо единственная и неизмѣнная хранительница правой вѣры въ то же время есть по-необходимости, и единственная сокровищница истиннаго разумѣнія вещей и чистыхъ нравственныхъ понятій. Кромѣ

исключительной истины и чистоты своего учения, православіе дорого Русскому народу и по безчисленнымъ благодѣяніямъ, которыя оно оказало ему въ теченіи его исторіи... Оно и до конца жизни нашего народа да будетъ ея неизмѣннымъ основаніемъ, источникомъ нашего величія и славы, нашею первою похвалою!»

Т. И. Филипповъ

род. 24 декабря 1825 г. † 30 ноября 1899 г.

Но эта глубокая преданность православію и «похвала» имъ не имѣли въ Т. И. ничего общаго съ встрѣчающимися не рѣдко у насъ самомнѣніемъ и самохвальствомъ своею вѣрою, или съ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ другимъ, хотя бы и уклонившимся отъ истины, исповѣданіямъ. Въ напечатанной имъ въ 1862 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статьѣ «О несторіанахъ» Т. И., порицая наше собственное сонливое равнодушіе и бездѣйствіе, съ величайшимъ уваженіемъ и похвалою отзывается

о миссіонерской, благотворительной и просвѣтительной дѣятельности на азіатскомъ Востокѣ протестантовъ американскихъ. «Во имя христіанской любви они распространяють между этими забытыми міромъ, людьми свѣтъ знаній и блага гражданственности, предоставляя дѣло единомыслія и согласія въ предметахъ вѣры свободному произволению самихъ несторіанъ». Съ такимъ же уваженіемъ и похвалою говоритъ онъ и о представителяхъ англиканской, т. н. «высокой церкви», о ихъ горячемъ участіи къ судьбѣ всѣхъ древнихъ неправославныхъ исповѣданій Востока и о глубокомъ изслѣдованіи ими писаній древнихъ отцовъ Церкви и вообще церковныхъ древностей. Не одобряя, наоборотъ, нетерпѣливую религіозную жадность латинскихъ миссіонеровъ, которую, скажемъ мы отъ себя, наши братья галичане такъ образно называютъ «душехватствомъ», Т. И. говоритъ, что такая «религіозная жадность должна быть чужда всякому, кто въ отношеніяхъ съ разномыслящими христіанами желалъ бы придти къ успѣшному и въ то же время достойному концу. Между посѣвомъ и жатвою должно быть порядочное разстояніе времени, въ подобныхъ дѣлахъ неблагоразумно и недостойно просвѣщеннаго духовнаго правительства желать непременно полного и немедленнаго успѣха. Не малый успѣхъ слѣдуетъ видѣть и въ томъ, если между разномыслящими церквами устанавливаются братолюбивыя и довѣрчивыя сношенія». Но осторожное отношеніе къ убѣжденіямъ иновѣрцевъ не должно переходить въ полное равнодушіе къ ихъ религіозному состоянію. «Мы далеки отъ ласкательства или ослѣпленія и признаемъ не только ложною, но и совершенно безнравственною мысль, которую, впрочемъ, имѣють нѣкоторые члены нашей церкви: будто бы обладающимъ истиною довольно стоять въ ней и нѣтъ обязанности ходить съ ея благовѣствованіями по всему лицу земли». «Даръ истины и вѣры дается не для скупого храненія, а для независтнаго сообщенія всѣмъ, кто по судьбамъ Промысла еще не озаренъ ихъ свѣтомъ».

Въ 1882 г.—въ пору полного развитія своихъ душевныхъ силъ—вице-предсѣдатель Православнаго Палестинскаго общества Т. И. Филипповъ въ торжественномъ собраніи этого общества такъ осуждаетъ нашу лицемѣрную русскую косность въ дѣлахъ вѣры:

«Когда между нами возникаетъ разговоръ о духѣ латинской церкви, о ея непрерывной, ни на мигъ не успокоивающейся дѣятельности, направленной къ стяжанію душъ чуждой паствы, о чудесахъ самоотверженія, совершаемыхъ ея отрядами, разсылаемыми во всѣ концы міра, о вещественныхъ и умственныхъ благодѣяніяхъ, оказываемыхъ ими въ невѣдомыхъ никому

углахъ земного шара,—и когда рядомъ съ этой кипучей и олушевленной дѣятельностію сопоставляется наше спокойное и ничего намъ не стоящее бездѣйствіе: то мы обыкновенно выходимъ изъ затрудненій совершенно особеннымъ, самобытнымъ приѣмомъ сужденія. Мы изобрѣли на этотъ случай свою теорію, которая учитъ, что пропаганда вовсе не свойственна духу Православной Церкви и въ кругъ нашихъ обязанностей вовсе и не входитъ, что съ насъ достаточно хранить, что имѣемъ, и не искать чужого, что тревожная дѣятельность латинской церкви объясняется свойственною всякому заблужденію и пороку склонностію умножать число своихъ послѣдователей.

«Уклоняя», такимъ образомъ, «сердце свое въ слова лукавствія», чтобы въ нихъ обрѣсти мнимое оправданіе нашей лѣни, нашему равнодушію и нашей неумѣлости, мы не замѣчаемъ того, какъ мы оскорбляемъ честь и достоинство православнаго знамени. Кто же узнаетъ объ истинѣ, если хранители ея будутъ беречь ее только про себя?

«Вмѣсто того, чтобы приискывать извиненія своему явному грѣху, исповѣдаемъ его мужественно и устремимся на его побѣду. Мы слишкомъ мало дорожимъ своимъ призваніемъ и любимъ болѣе украшаться имъ, какъ духовнымъ преимуществомъ и правомъ, чѣмъ исполнять сопряженные съ нимъ великія и отвѣтственныя обязанности».

Въ томъ же 1882 году изданъ Третьимъ Ивановичемъ первый сборникъ его статей, посвященныхъ современнымъ церковнымъ вопросамъ, и именно: греко-болгарской церковной распрѣ, или, какъ самъ онъ говоритъ, точнѣе опредѣляя свою мысль,—«болгарской церковной смутѣ», и—«нуждамъ единовѣрія». «Не побѣдiti ищемъ», говоритъ онъ, въ эпиграфѣ къ этой книгѣ, словами Григорія Богослова, «но пріяти братію, ихже разлученіемъ терзаемся». Этими словами какъ нельзя лучше опредѣлены цѣль и духъ посвященныхъ церковнымъ вопросамъ статей, которыя покойный Т. И. считалъ едва ли не важнѣйшимъ дѣломъ своей жизни: Не «побѣдiti», т. е.—не мѣрами внѣшняго принужденія заставить смолкнуть церковныя несогласія, но справедливымъ разъясненіемъ истины и каноническимъ постановленіемъ единственно законной въ подобныхъ дѣлахъ власти Церковнаго Собора—надѣялся онъ достигнуть вождельнаго мира церковнаго—«пріяти братію, ихже разлученіемъ терзаемся».

Наконецъ, уже на закатѣ своей жизни, въ 1896 г., въ предисловіи ко второму своему сборнику, самъ Т. И. такъ опредѣлилъ значеніе своихъ статей по церковнымъ вопросамъ,

на которыя, какъ мы уже упомянули, онъ смотрѣлъ, какъ на главный подвигъ своей жизни.

«Изданіе статей, помѣщенныхъ въ первой части этого сборника, было вызвано крайней нуждою въ восстановленіи поруганной истины и въ успокоеніи оскорбленныхъ церквей православнаго Востока.

«Первый взрывъ озлобленія противъ патріархіи въ русской печати послѣдовалъ въ 1858 г., когда въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появились статьи болгарина Даскалова, исполненныя яда и желчи и принятыя въ ту пору русскимъ общественнымъ мнѣніемъ на вѣру. Преступная легкость этого мнѣнія въ настоящее время, по исполненіи событій, является очевидною.

«Кого влекъ на судъ, этотъ странный прокуроръ?

— «Одну изъ святыхъ Божіихъ церквей, первенствующую по чести во всемъ православномъ мірѣ, Матерь церкви русской, воспитавшую ее, а черезъ нее и весь Русскій народъ въ тѣхъ священныхъ началахъ и преданіяхъ, коими донинѣ стоитъ и—при вѣрности имъ—будетъ впредь стоять твердо Русская земля: ту церковь, изъ лона которой вышли безсмертные солунскіе братья, просвѣтителіи всего славянскаго рода, усвоившіе нашему языку въ своемъ чудотворномъ переложеніи всю бездонную глубину церковной мудрости и великолѣпіе церковнаго творчества, къ которой за ея духовныя благодѣянія вся Русская земля—отъ Царя до поселянина—въ теченіе многихъ вѣковъ привыкла питать благоговѣніе, участіе къ ея страданіямъ и лишеніямъ, союзомъ съ которой, вмѣстѣ съ другими патріаршими престолами, охраняется и опредѣляется наша вѣрность православному исповѣданію.

«И вотъ такое высокое и священное учрежденіе, связанное съ нами нерушимыми узами единовѣрія и взаимныхъ благодѣяній, обреченное жить съ нами въ вѣчномъ духовномъ союзѣ, было позвано на судъ первымъ встрѣчнымъ, и мы постановили свой обвинительный надъ нимъ приговоръ, не позаботившись даже выслушать напередъ его объясненій и отвернувшись отъ нихъ, когда они были представлены.

«Мы и до сихъ поръ не можемъ еще вполне освободиться отъ посѣянныхъ въ нашемъ умѣ предубѣжденій и не покидаемъ усвоенной нами злой и безстыдной привычки чернить клиръ единовѣрныхъ намъ церквей. Восхищая на себя судъ надъ братьями, которые, по опредѣленію Божію, прошли черезъ цѣлый рядъ вѣковъ тяжкаго рабства и, среди неизобразимыхъ злостраданій, умѣли соблюсти въ непорочной цѣлости врученный имъ священный залогъ вѣры, мы и донинѣ не стыдимся къ ихъ язвамъ прилагать новыя свѣжія раны, которыя, какъ

наносимыя братскою рукою, для нихъ во сто кратъ больнѣе тѣхъ, которыя наносятся имъ общими, ихъ и нашими, врагами.

«Печальное положеніе церковныхъ дѣлъ на православномъ Востокѣ не новость. Оно было издавна извѣстно всему Русскому народу, его благочестивымъ царямъ и іерархамъ; но имъ также были извѣстны и причины такого положенія, которое они старались въ мѣрѣ силъ своихъ облегчать и сочли бы смертнымъ грѣхомъ еще болѣе отягчать его «подло жестокими», по выраженію Хомякова, укоризнами.

«Въ оборону отъ этихъ оскорбленій изданный мною сборникъ принесъ, говорю съ увѣренностію и утѣшеніемъ, свою долю пользы: встревоженный настроеніемъ значительной части нашей печати, восточныя церкви пришли въ покой, усмотрѣвъ въ моей книгѣ тѣ самыя понятія и чувства, коими украшалась еще недавно вся сплошь благочестивая Россія и на коихъ почивала надежда ихъ и нашего спасенія».

«Вопросъ, разсмотрѣнный въ чтеніяхъ «О нуждахъ единовѣрія», имѣетъ также чрезвычайно важное значеніе. Рѣшеніе его, предлагаемое мною, совпадаетъ съ намѣреніями русской церковной и государственной власти, которыя остались доселѣ безъ исполненія единственно вслѣдствіе невѣрнаго донесенія нашего константинопольскаго посольства о мнимо непріязненномъ расположеніи къ этому дѣлу восточныхъ православныхъ церквей.

«Извѣстно, что склонные къ миру съ Церковію старообрядцы, съ самаго начала своихъ примирительныхъ переговоровъ, еще во дни знаменитаго Никодима, просили о снятіи съ нихъ клятвъ 1667 г. чрезъ сношеніе съ четырьмя апостольскими престолами. Никогда не покидая надежды на удовлетвореніе этой духовной потребности, они неоднократно заявляли о ней церковной власти и въ 1864 г. еще разъ рѣшились обратиться къ Московскому Митрополиту Филарету съ просьбою объ исполненіи ихъ давнихъ чаяній. Великій іерархъ внялъ ихъ ходатайству и вошелъ по этому предмету съ представленіемъ въ Святѣйшій Синодъ. «Если ихъ нельзя убѣдить логически, писалъ онъ, то не слѣдуетъ ли успокоить ихъ канонически?»

«Согласное съ его мыслію постановленіе Святѣйшаго Синода было Высочайше утверждено Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, который, принимая по сему случаю Московскихъ единовѣрцевъ, выразилъ передъ ними надежду, что православные патріархи не откажутъ Ему въ своемъ согласіи.

«Мои постоянныя и близкія сношенія съ православнымъ

Востокомъ дали мнѣ способъ убѣдиться въ томъ, что онъ не поставилъ бы никакого препятствія къ удовлетворенію духовныхъ нуждъ единовѣрцевъ, и вотъ, опираясь на это твердое убѣжденіе и сознавая крайнюю необходимость для насъ самихъ выйти изъ угнетающихъ насъ противорѣчій, я рѣшился поднять вновь этотъ вопросъ, давно уже благопріятно нашею властію предрѣшенный, но остановленный въ своемъ теченіи случайнымъ прискорбнымъ недоумѣніемъ.

«Исполняя свой долгъ предъ Церковію, какъ я его разумѣлъ, я не усомнился принять на себя *odium* различныхъ подозрѣній и превратныхъ истолкованій не только моихъ мнѣній, но и самихъ намѣреній, успокоивая себя свидѣтельствомъ своей совѣсти, «ея же ничтоже въ мірѣ нужднѣйше».

«По изданіи сборника, въ которомъ разъяснены столь важные, можно сказать, роковые вопросы, мнѣ, можетъ быть, слѣдовало бы на томъ и опочить».

И онъ теперь опочилъ въ сознаніи исполненнаго имъ въ отношеніи Церкви сыновняго долга, съ увѣренностью и утѣшеніемъ, что его трудъ принесъ свою долю пользы, что онъ содѣйствовалъ успокоенію Церкви; и мы знаемъ, что эти слова не были съ его стороны самообольщеніемъ, мы знаемъ это—и по тому высокому авторитету, которымъ пользуются церковныя сочиненія Т. И. Филиппова во всемъ Православномъ Мірѣ: и у православныхъ іерарховъ на богословскомъ по преимуществу Востокѣ, и въ простой, но крѣпкой духомъ, набожной и богословствующей средѣ нашихъ русскихъ единовѣрцевъ. Мы знаемъ это теперь и по той любви, съ какою напутствовали всѣ: и высокіе русскіе и восточные іерархи, и простые русскіе люди, единовѣрцы, этого раба Божія, этого «епитропа гроба Господня», Тертія въ вѣчность.

Но, хотя Т. И. опочилъ въ мирѣ съ своей совѣстью, а этого мира, по его же словамъ,—«ничтоже въ мірѣ нужднѣйше», однако, «терзаніямъ» его духа о разлученіи братіи, о печальномъ состояніи и неустройствѣ нашихъ церковныхъ дѣлъ не суждено было утолиться, ибо косность наша въ дѣлахъ вѣры доселѣ необорима.

Не буду долго останавливаться на отношеніяхъ Т. И. къ государству и на его служебныхъ передъ нимъ заслугахъ. Онѣ у всѣхъ, имѣвшихъ очи и уши, чтобы видѣть и слышать,—на памяти и на виду. Замѣчу только, что и въ этихъ, зачастую трудныхъ дѣлахъ, онъ, ополчаясь за правое дѣло, прислушивался только къ голосу своей христіанской совѣсти и

къ совѣтамъ тѣхъ людей, въ которыхъ ощущалъ присутствіе той же вѣрующей совѣсти, и не справлялся съ числомъ и силами противоборствовавшихъ ему и потворствовавшихъ злу враговъ, вѣруя, что Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ.

Въ вопросахъ государственной и народной жизни Т. И. Филипповъ, по собственному его свидѣтельству, былъ сторонникомъ «охранительныхъ началъ». Обязанностью каждаго убѣжденнаго человѣка выходить на защиту этихъ началъ, побѣда коихъ недостаточно еще въ общественномъ сознаніи утверждена и обезпечена,—объясняетъ онъ, между прочимъ, изданіе второго своего сборника. «Обязанность эту», говоритъ онъ въ предисловіи къ этому сборнику, «я признаю во всей ея силѣ, и кто удостоитъ взглянуть въ издаваемую мною книгу, тотъ увидитъ, что въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ я служилъ этимъ началамъ неизмѣнно, въ свободѣ искренняго исповѣданія, и не тогда только, когда то было покойно и выгодно, но и въ самый разгаръ бѣшеныхъ противъ нихъ ополченій, когда борьбу съ ними вели не одни Чернышевскіе и Благосвѣтловы, но и разные Савлы, выжидавшіе лишь благоприятныхъ для себя обстоятельствъ, чтобы объявить себя незапно обращенными Павлами.

«И вотъ я предстою передъ моимъ благосклоннымъ и неблагосклоннымъ читателемъ, какъ давній, убѣжденный и вѣрный послѣдователь направленія охранительнаго. Считаю, однако, нужнымъ оговориться: есть охранитель и охранитель. Вѣдь и опричникъ говоритъ, что онъ охранитель, и даже гордится тѣмъ, что онъ песь. «Ни! но и худшій пса», сказалъ бы я такому охранителю, который своимъ нечистымъ прикосновеніемъ оскверняетъ непорочное само по себѣ исповѣданіе.

«Я имѣю основаніе надѣяться, что даже недоброжелательно относящіеся къ моему направленію судьи не пожелаютъ обидѣть меня смѣшеніемъ съ такими охранителями, но, чтобы еще болѣе оберечь себя отъ опасности подобнаго смѣшенія, я укрывъ свои произведенія подъ сѣнь имени И. В. Кирѣевского. Это имя крѣпкій и надежный щитъ... Онъ былъ надо мной отъ дней моей юности, онъ осѣнялъ первыя незрѣлыя попытки моей литературной дѣятельности.

«И если отъ юности до перваго псаломскаго предѣла жизни (котораго я уже достигъ), я оставался неизмѣнно вѣренъ своему образу мысли, то право на посвященіе моей книги непорочной памяти Ивана Васильевича Кирѣевского я могу счесть за мною. Могу съ тѣмъ вмѣстѣ выразить надежду, что вѣрность исповѣданію, котораго я держался всю жизнь, сохранится и до ея не очень уже далекаго конца».

И эта надежда остаться вѣрнымъ тому направленію, которое Т. И. называетъ охранительнымъ и которое мы, не обинуясь, назовемъ славянофильскимъ, въ первоначальномъ чистомъ его значеніи—направленія Хомякова, К. Аксакова, Самарина, Кирѣевскаго,—эта надежда пребывала съ нимъ неизмѣнно, и онъ не измѣнилъ ей.

«Есть охранитель, и охранитель», говоритъ онъ. Не къ охранителямъ, исполненнымъ зложелательства и проповѣдующимъ всяческую опричину и косность, принадлежалъ Т. И. Филипповъ.

Можно охранять драгоценныя историческія національныя преданія и завѣты и въ то же время въ нихъ самихъ черпать указанія и силу для движенія впередъ.

«Въ новизнахъ Твоего царствованія», говорятъ типичные представители охранительныхъ началъ, наши старовѣры, Императору Александру II, «наша старина намъ слышится». Не охранители ли историческихъ нашихъ началъ—славянофилы: Хомяковъ, Юр. Самаринъ, Н. Милютинъ и другіе сотрудники Т. И. Филиппова, по «Русской Бесѣдѣ» и прилагавшемуся къ ней «Сельскому Благоустройству,»—явились дѣятельнѣйшими сотрудниками Императора Александра II въ его вѣчно благословенномъ дѣлѣ—освобожденіи крестьянъ и надѣленіи ихъ землею.

Къ такимъ именно охранителямъ принадлежитъ и незабвенный нашъ Т. И. Филипповъ. Охраняя то, что есть въ русской жизни дѣйствительно цѣннаго, онъ радовался всякой хорошей новизнѣ и готовъ былъ не только содѣйствовать, но первый двинуть впередъ всякое благое начинаніе.

Онъ первый широко открылъ двери подвѣдомственнаго ему правительственнаго учрежденія женскому труду, и едва ли не послѣднимъ значительнымъ его дѣломъ передъ кончиною были посланные имъ Государственному Совѣту замѣчанія на первую главу проекта уголовного уложенія, гдѣ онъ рѣшительно высказался противъ оставленія въ числѣ уголовныхъ наказаній, даже за политическія преступленія, смертной казни.

«Если смертная казнь», говорится въ этихъ замѣчаніяхъ, «безполезна въ смыслѣ устрашенія и отклоненія отъ общихъ преступленій, не удерживая даже отъ мелкихъ кражъ у самой висѣлицы казимыхъ за кражу,—то тѣмъ болѣе она не только не дѣйствительна, но прямо вредна въ примѣненіи къ преступленіямъ государственнымъ, ибо въ однихъ случаяхъ она надѣваетъ на дѣйствительныхъ преступниковъ, въ глазахъ ихъ единомышленниковъ, вѣнецъ мученичества, а въ другихъ отымасть у самого же государства и у человѣчества преданнѣйшихъ добру слугъ.

«Смертная казнь Казеріо, убійцы Карно, не удержала его соплеменника Лукези отъ убійства Елисаветы австрійской. Послѣдній, какъ сообщили телеграммы, выразилъ даже сожалѣніе, что швейцарскій законъ, оставляя ему жизнь, лишаетъ его тѣмъ самымъ возможности показать примѣръ своимъ единомышленникамъ, какъ надо умирать. Достоевскій же былъ судимъ, какъ государственный преступникъ, и приговоренъ къ смерти, теперь же къ памяти его благоговѣнно относится не только русское общество, но и русская государственная власть: если бы онъ былъ казненъ, какая была бы это огромная потеря для Россіи! Голгоѳа—вѣчный укоръ и осужденіе смертной казни. Изъ трехъ на ней распятыхъ одинъ былъ Богочеловѣкъ, незаконно осужденный, другой осужденъ былъ справедливо по дѣламъ своимъ, но нравственное его существо уже переродилось, и онъ во время совершенія надъ нимъ казни былъ праведникомъ, достойнымъ быть въ раю со Христомъ. И Моисей былъ политическимъ убійцей, и Савль—злодѣемъ, и по человѣческому суду они справедливо могли подвергнуться казни; но не была ли бы ихъ казнь величайшимъ злодѣяніемъ, въ отношеніи всего человѣчества!

«Лучшія преданія отдаленнѣйшей русской старины, связанные съ священною для Россіи памятью двухъ Владиміровъ:—Равноапостольнаго и Мономаха, побуждаютъ исключить изъ издаваемого на порогѣ двадцатаго вѣка закона такую бесполезную и противохристіанскую мѣру взысканія, какъ смертная казнь».

Перехожу отъ государственной къ общественной дѣятельности Т. И. Филиппова.

Въ 1872 году, еще студентомъ, я записался черезъ Влад. Ив. Ламанскаго въ члены Славянскаго общества, носившаго въ то время названіе Петербургскаго отдѣла Славянскаго благотворительнаго комитета, и, кажется, въ первомъ же собраніи выступилъ съ заявленіемъ о необходимости устраивать чтенія и издавать мелкія книжки для ознакомленія русскаго общества и народа съ славянствомъ, о которомъ въ то время даже изъ лицъ, получившихъ среднее и высшее образованіе, рѣдко кто имѣлъ какое бы то ни было представленіе. Но мою несмѣлую, по свойственной мнѣ тогда застѣнчивости и незнакомству съ окружавшими меня людьми, рѣчь, въ самомъ ея началѣ, перебилъ какой-то сановный господинъ изъ сидѣвшихъ за покрытымъ зеленымъ сукномъ столомъ, заговорившій о другомъ. Но вотъ другой членъ общества, имѣвшій, какъ мнѣ тогда

казалось, въ своемъ лицѣ что-то ломоносовское, остановилъ перебившаго меня господина просьбою дать мнѣ досказать мою мысль, которую онъ находилъ заслуживающею вниманія. Этимъ моимъ заступникомъ былъ Т. И. Филипповъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, въ достопамятные дни славянскаго движенія, когда въ собраніяхъ Славянскаго комитета, вслѣдствіе нерѣшительной косности однихъ и нетерпѣливаго пыла другихъ, разыгрывались иногда, благодѣтельные въпрочемъ, бури, мнѣ приходилось иной разъ быть съ Т. И. на разныхъ сторонахъ. И вотъ однажды, какъ разъ послѣ такого столкновенья мнѣній, Т. И., не имѣя почему-то возможности придти въ слѣдующее собраніе, присылаетъ сказать, что онъ передаетъ мнѣ свой голосъ въ этомъ собраніи.

Оба эти случая, незначительные сами по себѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что не только въ такихъ важныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ, какъ церковныя, но и всегда Т. И. внимательно и чутко относился къ искреннему движенію каждой души человѣческой и высоко цѣнилъ всякое свободное и искреннее мнѣніе, даже тогда, когда оно расходилось съ его собственнымъ.

Т. И. Филипповъ былъ однимъ изъ учредителей Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета, до переѣзда же своего въ Петербургъ стоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ такими основоположниками и отцами славянофильства, какъ Хомяковъ и Кирѣевскіе, и руководилъ важнѣйшимъ изъ славянофильскихъ изданій — «Русскою Бесѣдою». Когда же на славянскомъ Югѣ разыгралась гроза, и для нашихъ Славянскихъ комитетовъ настала пора рѣшительно дѣйствовать, беря при этомъ на себя всю полноту отвѣтственности, такъ какъ приходилось дѣлать то, чего требовали общественный долгъ и чувство, но на что нельзя было просить разрѣшеній и указаній, — тогда стоявшее во главѣ Славянскаго комитета «Исполнительное присутствіе» сочло себя не въ силахъ справиться съ поставленной временемъ задачей и само отошло въ сторону, а на его мѣсто стала избранная въ сентябрѣ 1875 г. Общимъ собраніемъ «Коммиссія для сбора пожертвованій», которая, просуществовавъ 13 мѣсяцевъ, собрала на славянское дѣло болѣе милліона рублей, напечатала и разбросала по лицу всей Земли Русской болѣе милліона листовъ разнаго содержанія и вида воззваній, накормила и одѣла тысячи несчастныхъ нашихъ братьевъ за Балканами и Дунаемъ и выслала въ помощь имъ тысячи русскихъ добровольцевъ — вольныхъ ратниковъ за славянскую свободу. Словомъ: за годъ времени эта Коммиссія по сбору сдѣлала для славянскаго дѣла и русскаго самосознанія неизмѣримо больше, нежели Славянскіе комитеты и об-

щества, за все остальное время ихъ существованія, и, что особенно важно: она впервые призвала къ самоопредѣляющему и рѣшающему участию въ политическомъ событіи Русскій народъ послѣ двухвѣкового, полнаго, хотя и невольнаго, отчужденія его отъ всякой политики.

Дѣятельнѣйшимъ членомъ, а затѣмъ и предсѣдателемъ этой, скажу не обинуясь, знаменитой Комиссіи по сбору былъ незабвенный нашъ Т. И. Филипповъ, не побоявшійся и въ этомъ, какъ и въ церковномъ дѣлѣ, взять на себя odium всякаго рода подозрѣній и превратныхъ истолкованій, которымъ подвергалась Комиссія по сбору и ея предсѣдатель и со стороны органовъ петербургской печати, изъ которыхъ одни, какъ «Биржевыя Вѣдомости» (Полетики), или «Голось» (Краевскаго), враждебно относились вообще къ славянскому дѣлу, или къ тому направленію, какое оно тогда приняло, другіе—свора мелкой печати—сводили путемъ нападокъ на Комиссію чьи-то старые счеты съ однимъ изъ ея членовъ, заправлявшимъ прежде дѣлами одного клуба. Поводъ къ этой газетной травлѣ былъ данъ однимъ изъ членовъ избранной Славянскимъ обществомъ Ревизіонной комиссіи, напечатавшимъ и распространившимъ памфлетъ подъ видомъ свода ревизіонныхъ замѣчаній и своего особаго мнѣнія; другіе члены той же Ревизіонной комиссіи, видѣвшіе и знавшіе всю неосновательность и ложь этого памфлета, молчали. Комиссія по сбору съ честью вышла изъ этого тяжелаго испытанія, разобравъ слово за словомъ, строка за строкою и докладъ Ревизіонной комиссіи, и отдѣльное мнѣніе ея члена, и доказавъ полную несостоятельность всѣхъ содержащихся въ нихъ укоризнъ и навітовъ. Но, по громадности и сложности дѣла, для составленія и напечатанія опроверженій потребовались мѣсяцы, въ теченіе которыхъ и ревизоры, и члены вернувшагося къ дѣламъ Исполнительнаго присутствія, съ новымъ предсѣдателемъ-княземъ,—молчаніемъ своимъ какъ бы подтверждали безпрепятственно разносившуюся печатью клевету, и это особенно было больно Тертію Ивановичу, объ этомъ съ горькимъ чувствомъ обиды онъ вспомнилъ какъ-то въ разговоръ со мной еще въ прошломъ году, незадолго до своей кончины. Но odium грозилъ и съ другой стороны: онъ могъ ежечасно обрушиться на Комиссію по сбору и ея предсѣдателя сверху. Не слѣдуетъ забывать, что по отношенію къ славянскому движенію и дѣятельности нашихъ Славянскихъ комитетовъ Правительство тогда двоилось. Одни изъ сотрудниковъ Императора Александра II, какъ, напр., Абаза и Милютинъ, съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ во главѣ, сочувствовали славянскому движенію, другіе близкіе къ Государю люди, едва

ли не большинство, относились враждебно и къ самому движенію, и къ участвовавшимъ въ немъ и до нѣкоторой степени руководившимъ имъ комитетамъ. Въ числѣ этихъ лицъ были такіе могущественные въ то время люди, какъ министры: Горчаковъ, Валуевъ и начальникъ III Отдѣленія графъ Шуваловъ; самъ Императоръ Александръ II долгое время смотрѣлъ на славянское дѣло одинаково съ ними. И вотъ, даже въ то время, когда наши мобилизованные полки стояли уже близъ границы, въ правительственныхъ кругахъ все еще держалась, трудно, впрочемъ, сказать на чемъ основанная, увѣренность, что войны не будетъ, и шла рѣчь о закрытіи Славянскихъ комитетовъ.

Для того, чтобы такъ бодро идти противъ этой волны во главѣ встрѣчнаго ей теченія, какъ шель Тертій Ивановичъ, требовалось большое гражданское мужество. При оцѣнкѣ этого его подвига не забудемъ и того, что въ то время Т. И. занималъ второстепенное, хотя и видное, служебное положеніе, что его непосредственный начальникъ А. С. Грейгъ неодобрительно относился къ участию Т. И. въ славянскомъ дѣлѣ, и что у него на рукахъ была семья, и онъ былъ въ сущности ничего не имѣвшимъ, кромѣ небольшого домика въ глухомъ уѣздномъ городѣ, бѣднякомъ, который жилъ однимъ двадцатымъ числомъ, за которое такъ любятъ корить нашего братчиновника нѣкоторые досужіе публицисты.

Но что же именно заставляло Т. И. въ то время такъ самоотверженно и такъ плодотворно служить славянскому дѣлу? Да не что иное, какъ его пламенная любовь къ свободѣ! А что онъ былъ истиннымъ другомъ свободы духа и жизни и глубоко понималъ значеніе политической и національной свободы для каждаго народа, во свидѣтельство тому приведемъ заключительныя слова упоминавшейся уже нами прекрасной его статьи «О несторіанахъ»:

«Большая часть нашего общества смотритъ съ предубѣжденіемъ на восточныхъ христіанъ, не только иновѣрныхъ, но и православныхъ. Ихъ невѣжество, хитрость, жадность къ деньгамъ и другіе пороки, которые отрицать было бы странно, внушаютъ намъ какое-то брезгливое отношеніе къ этимъ несчастнымъ народамъ и не находятъ на нашемъ слѣпомъ судѣ никакого оправданія, тогда какъ это оправданіе, по крайней мѣрѣ условное и относительное, само напрашивается на наше вниманіе. Эти народы рабы. Можетъ быть, нѣкоторымъ изъ указанныхъ нами пороковъ восточные племена причастны и по своей природѣ. Но сколько бы ни было въ нихъ природной склонности къ порокамъ, столь поражающимъ европейца, мы, именно мы, сами причастные еще многимъ восточнымъ

порокамъ, должны быть разсудительнѣе въ своихъ порицаніяхъ и умѣрять наши неистовые вопли, которые могутъ обратиться на нашу собственную голову: вотъ, могутъ сказать про насъ, обрадовались, что нашли хуже себя.

«Главное же, мы не должны забывать, что восточные пороки порождаются, развиваются и поддерживаются рабствомъ. Вспомнимъ то, давно ли и нашему народу дарована благодать свободы, и не осталось ли на насъ самихъ слѣдовъ только-что уничтоженнаго рабства, безъ сравненія болѣе мягкаго и, слѣдовательно, менѣе растлѣвающаго, чѣмъ то, подъ игомъ котораго стонуть наши восточные братья, не предвидя ему конца.

«Почтимъ же божественный даръ свободы глубокимъ и теплымъ сочувствіемъ къ менѣе насъ счастливымъ членамъ человѣческаго рода, которымъ суждено еще (Богъ знаетъ сколько лѣтъ) терпѣть унижительное и развращающее ярмо невольнаго порабощенія, и въ особенности щедрымъ и братолюбивымъ общеніемъ въ духовныхъ и вещественныхъ благахъ съ тѣми изъ нихъ, которые насъ ищутъ и которыхъ мы сами можемъ найти, чтобы протянуть имъ благодѣющую руку. Перестанемъ оскорблять и безъ того переполненные скорбію сердца ихъ жестокими и преувеличенными укорами и устыдимся по крайней мѣрѣ великаго язычника, который, задолго до проповѣди Освободителя всѣхъ человѣковъ, своимъ всепостигающимъ гениемъ уразумѣлъ, что было бы несправедливо однимъ и тѣмъ же судомъ судить свободнаго и раба:

«Половину доблести отнимаетъ Зевсъ у человѣка, когда его постигаетъ день рабства».

Кстати сказать, въ этой статьѣ, написанной въ 1862 году, Т. И. останавливаетъ свой прозорливый взглядъ на Абисинію:

«Этотъ народъ», говоритъ онъ: «съ 8.000.000 населенія, имѣющій своего независимаго царя и исповѣдующій вѣру весьма близкую къ православной, конечно заслуживалъ бы нашего вниманія. Для предприимчиваго русскаго путешественника мало, по нашему мнѣнію, болѣе заманчивыхъ задачъ, какъ посѣщеніе этого мало извѣстнаго и столь любопытнаго народа».

Но каковы были въ частности отношенія Т. И. къ братскимъ намъ народамъ славянскимъ? Не скрывалось ли тутъ за желаніемъ освободить небезкорыстное желаніе поглотить ихъ, «обратить въ русскую губернію»?

И на этотъ вопросъ пусть отвѣтитъ намъ онъ самъ.

Въ 1869 году вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ, привѣтствуя пріѣхавшаго въ то время въ Россію и посѣтившаго Славянскій комитетъ Сербскаго Митрополита Михаила:

«Не явный ли это знакъ», говорилъ онъ, указывая на ту радость, съ которою повсемѣстно, отъ Кіева до Петербурга, принимали Сербскаго Владыку, — «что вся Русская земля, изъ края въ край, приступаетъ къ служенію великой идеѣ славянской взаимности, въ которой залогъ близкаго избавленія нашихъ братій и нашей собственной крѣпости и дальнѣйшаго преуспѣянія на всѣхъ путяхъ жизни? Правда, есть еще во тьмѣ гнѣздящіяся злыя силы, которыя рады были бы воспрепятствовать торжеству этой идеи, но близокъ часъ, когда въ конецъ сокрушатся ихъ «немошныя дерзости». Для насъ не тайна, что по всему юго-востоку Европы разсѣяны усердные служители враждебныхъ намъ властей и силъ, принимающіе на себя притворный образъ вашихъ друзей и ищущіе отвлечь васъ отъ природнаго союза съ нами, чтобы потомъ обратить васъ въ орудіе своихъ хищническихъ цѣлей. Безъ устали и безъ стыда они сѣютъ среди васъ разнообразныя клеветы на Россію, пугая васъ призракомъ нашего властолюбія. Предостереги же своихъ родичей отъ этихъ опасныхъ внушеній и не облѣнись повторять имъ, что у насъ нѣтъ на умѣ ничего, кромѣ заботы о счастіи и свободѣ (безъ которой нѣтъ и счастія) нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, что приписываемая намъ алчность къ поглощенію иныхъ народностей совершенно противна нашей природѣ, что мы не иначе, какъ съ трудными усиліями, рѣшаемся даже на необходимую оборону своихъ народныхъ правъ отъ посягательствъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ собственныхъ инородцевъ, которые безнаказанно шлютъ намъ вызовъ за вызовомъ.

«Это ли черты народа жаднаго и склоннаго къ захватамъ? Захваты дѣйствительно грозятъ вамъ, только не отъ насъ, а отъ того же клевещущаго на насъ Запада, приближающагося къ вамъ съ притворнымъ участіемъ — образомъ евангельскаго татя, который не приходитъ, развѣ да украдетъ, и убіетъ и погубить. У насъ же одна о васъ мысль и одно попеченіе: чтобы, по исполненіи временъ, когда Господу, въ рукѣ Котораго власть земли, угодно будетъ услышать воздыханія окованныхъ и возвратитъ плѣненіе людей своихъ, — всѣ единовѣрные и единокровные намъ народы устроили судьбу свою на основаніи ихъ дѣйствительныхъ правъ, не преступая въ предѣлъ братень, и представили изъ себя союзъ мирныхъ, никому не угрожающихъ силъ, не ищущихъ возмездія за прошлое, но достаточно крѣпкихъ для отпора новыхъ посягательствъ на ихъ покой и свободу».

Я сказалъ только о трехъ важныхъ сторонахъ дѣятельности Т. И. Филиппова, но остается еще много другихъ, быть можетъ, не менѣе важныхъ, ея сторонъ. Слѣдовало бы сказать, и именно здѣсь, въ Союзѣ ревнителей русскаго слова, о взглядѣ его на задачи и способы и программы воспитанія, о значеніи въ дѣлѣ воспитанія церковно-славянскаго языка, о томъ, какъ глубоко зналъ Т. И. этотъ языкъ и особенно языкъ русскій, какъ проникновенно и вмѣстѣ художественно изъяснялъ онъ смыслъ отдѣльныхъ его рѣченій, напримѣръ, въ спорѣ съ Бу-слаевымъ — объ истолкованіи имъ слова «міръ», тождественнаго съ греческимъ «космосъ», — какъ совмѣщающаго въ себѣ понятія мѣры, порядка и красоты; о глубокомъ знаніи имъ русской пѣсни и вообще народнаго творчества въ области звуковъ и слова, и о томъ, какъ много сдѣлано имъ для сохраненія уцѣлѣвшихъ еще драгоценныхъ его остатковъ и слѣдовъ. Слѣдовало бы сказать о необыкновенной его отзывчивости на всякую обращенную къ нему просьбу о помощи, и особенно о той сильной поддержкѣ, какую оказывалъ онъ вдохновеннымъ труженикамъ, работавшимъ въ одномъ съ нимъ направленіи на пользу народной жизни и народнаго творчества. Кто, какъ не онъ, оказалъ могущественную поддержку В. В. Андрееву? Такъ же душевно отнесся онъ и къ дѣлу трудовыхъ артелей Н. В. Левицкаго. Познакомленный мною съ нимъ въ началѣ лѣта прошлаго года, онъ готовился оказать такую же поддержку и артельному дѣлу, какая была оказана имъ народной музыкѣ и пѣснѣ.

Наконецъ, въ личныхъ моихъ воспоминаніяхъ и отношеніяхъ съ покойнымъ есть много гораздо болѣе значительнаго въ общественномъ отношеніи, нежели то, о чемъ было сказано выше; но о многомъ еще не настало время говорить.

Николай Васильевичъ Левитскій,
устроитель артелей.

Обо всемъ этомъ и многомъ еще, другомъ мною и навѣрно другими, болѣе меня въ томъ или другомъ дѣлѣ освѣдомленными, лицами будетъ сказано въ другой разъ. Теперь же за мною стоятъ еще другіе, ожидающіе вашего вниманія вѣтти, и мнѣ пора уступить имъ мѣсто.

Закончу свою слабую дань признательности дорогому для меня и близкому мнѣ по духу человѣку приглашеніемъ почтить его память, не по иноземному обычаю простымъ «вставаніемъ», но крестнымъ знаменіемъ и молитвою:

Да упокоитъ Господь душу раба своего Тертія въ селеніяхъ праведныхъ и да сотворитъ ему вѣчную память!

Прибавленія.

I.

Привѣтъ мой Т. И. Филиппову въ день тридцатипятилѣтія его службы въ Государственномъ Контролѣ 10 февраля 1899 г.

Ваше Высокопревосходительство, всѣмъ намъ дорогой, любвеобильный и правдолюбивый Тертій Ивановичъ!

Не мнѣ говорить здѣсь о вашихъ обильныхъ заслугахъ передъ Церковью, государствомъ и народомъ, — о нихъ знаютъ далеко за предѣлами нашей контрольной семьи и не забудетъ потомство. Но примите отъ меня предъ лицомъ вашей контрольной дружины, въ этотъ знаменательный для Васъ и для нея день, нашъ сердечный привѣтъ и глубокую благодарность за то, что Вы въ вашихъ сотрудникахъ и подчиненныхъ цѣните не одну только служебную исполнительность, но прежде всего ихъ душу живу. Возлагая на насъ отвѣтственные порученія, Вы не связываете насъ предвзятыми рѣшеніями, а оставляете намъ драгоцѣнную для насъ и для самого дѣла свободу защищать его такъ, какъ то повелѣваютъ намъ наша собственная мысль и совѣсть. За это уваженіе къ нашей человѣческой личности, къ свободѣ духа, примите нашу горячую благодарность и пожеланіе вамъ много и много лѣтъ жить и здравствовать и руководить нами!

II.

Начертаніе всеподданиѣйшей записки, сдѣланное мною для
Т. И. Филиппова лѣтомъ 1896 года.

Упадокъ народнаго благосостоянія, доходящій до полной хозяйственной необеспеченности значительной части крестьянства, т. е. основной части населенія Россіи, занимающейся основнымъ въ ней промысломъ—земледѣіемъ, справедливо озабочиваетъ всѣхъ вѣрныхъ слугъ Вашего Императорскаго Величества, обязанныхъ по прямому служебному долгу или просто по личному своему развитію и достатку пешихъ о благѣ государства и народа.

Но плодомъ этихъ заботъ являются нерѣдко предложенія и теоріи сомнительнаго научнаго достоинства и пагубныя по своимъ послѣдствіямъ, если-бы онѣ осуществились. Ибо въ нихъ, какъ на подлежащую устраненію причину народной бѣдности и плохого состоянія крестьянскаго хозяйства, указывается на драгоцѣннѣйшее, унаслѣдованное отъ предковъ, достояніе нашего народа—общину, которая, препятствуя обезземеленію народа, въ сущности одна только и задерживаетъ развитіе въ нашемъ отечествѣ народнаго пролетаріата со всѣми его опасными для Государства спутниками и послѣдствіями.

Нельзя однако отрицать того, что дробленіе земли на узкія полосы для отдѣльной ихъ обработки каждымъ крестьяниномъ-общинникомъ также, какъ и самые передѣлы ея, задерживаютъ до нѣкоторой степени усовершенствованіе земледѣльческаго хозяйства на общинныхъ земляхъ. Но эти недостатки вытекаютъ не изъ сущности общиннаго землевладѣнія и могутъ быть устранены дальнѣйшимъ развитіемъ общиннаго начала въ землепользованіи, что требуется теперь измѣнившимися условіями и самою техникою земледѣльческой промышленности—необходимостью переходить къ болѣе тщательной обработкѣ земли, примѣнять удобренія и земледѣльческія машины. Все это не по силамъ каждой отдѣльной крестьянской семьѣ, но вполне доступно союзу тѣхъ же крестьянскихъ семействъ при общей обработкѣ принадлежащей имъ земли отдѣльными артелями или цѣлою общиною.

Замѣчательный по своимъ благимъ послѣдствіямъ опытъ помощи крестьянскому хозяйству мелкимъ кредитомъ и примѣненіемъ артельного начала былъ сдѣланъ частнымъ лицомъ—

присяжнымъ повѣреннымъ Николаемъ Левитскимъ въ Елисаветградскомъ и Александрійскомъ уѣздахъ Херсонской губерніи. Движимый христіанскимъ чувствомъ состраданія къ обнищавшимъ крестьянскимъ семействамъ, которыя не въ состояніи уже были вести отдѣльное свое хозяйство, онъ сталъ склонять ихъ къ общему веденію хозяйства на артельныхъ началахъ, соединяя ихъ по нѣсколько семействъ въ особые союзы составленнымъ имъ для сего артельнымъ договоромъ и выдавая имъ при этомъ на обзаведеніе рабочимъ скотомъ и необходимыми земледѣльческими орудіями небольшія ссуды—около 40 рублей на семью, съ условіемъ возврата ихъ равными долями въ пятилѣтній срокъ. Хотя родственное общинному артельное начало издавна присуще Русскому народу, но примѣненіе его къ основному народному промыслу—земледѣльческому явилось дѣломъ новымъ и встрѣтилось на первое время со многими затрудненіями. Главнѣйшимъ препятствіемъ, которое пришлось преодолѣть Левитскому при устройствѣ имъ земледѣльческихъ артелей, было отсутствіе какъ у артельщиковъ, такъ и у самого Левитскаго необходимыхъ денежныхъ средствъ для заведенія артельнаго хозяйства и отсутствіе также мелкаго кредита людямъ, единственнымъ достояніемъ которыхъ является только ихъ способность къ труду. Починъ Левитскаго привлекъ однако же къ себѣ общественное вниманіе и помощь со стороны частныхъ лицъ. Императорское Вольное Экономическое Общество отпустило въ ссуду Левитскому на производство опытовъ съ земледѣльческими артелями 1.250 рублей и учредило при III своемъ отдѣленіи особую Комиссію для постояннаго наблюденія за ходомъ этого дѣла. Изъ частныхъ же лицъ отставной Генераль-Лейтенантъ Навроцкій предоставилъ въ распоряженіе Левитскаго на ту же пѣль 10.000 рублей. Возникшія въ 1894 году въ Херсонской губерніи земледѣльческія артели вскорѣ обратили на себя вниманіе Херсонскаго Губернскаго Земства, выразившаго въ 1895 году благодарность ихъ учредителю. Въ 1896 году Коммиссіей, учрежденной вслѣдствіе постановленія Херсонскаго Губернскаго Земскаго Собранія 1895 года, произведено изслѣдованіе хозяйственнаго положенія соединившихся въ артельные союзы крестьянскихъ семействъ. Изъ всѣхъ 78 артелей, составившихся въ 1874, 1875 и въ началѣ 1876 года, было обслѣдовано 70; причемъ оказалось, что артели находились въ условіяхъ весьма неблагопріятныхъ для своей дѣятельности, испытывая недостатокъ въ оборотныхъ средствахъ, и самый составъ ихъ подвергался измѣненіямъ; тѣмъ не менѣе Коммиссія, въ составъ которой вошла Губернская Земская

Управа, въ докладѣ Губернскому Земскому Собранію очередной сессіи 1896 года засвидѣтельствовала, что «сравненіе имущественнаго положенія артельщиковъ до поступленія въ артель съ тѣмъ, что они имѣютъ теперь, поражаетъ громадной разницей экономическаго благосостоянія. Правда, что все это куплено на занятые деньги или взято въ кредитъ, но деньги реализованы всѣ на предметы, необходимые для правильнаго веденія хозяйства. Общее впечатлѣніе о затратахъ артельщиковъ изъ этихъ средствъ получается такое, что всѣ онѣ употреблены производительно и рационально, даже и въ томъ случаѣ, когда затраты были сдѣланы на покупку пищевыхъ продуктовъ для прокормленія семействъ... Неудивительно, конечно, что нуждающіеся люди съ охотой приняли предложенныя имъ на выгодныхъ условіяхъ (за 6%) деньги; но удивительно то, что ни одна копейка изъ этихъ денегъ не употреблена непроизводительно. Удивительно также и то, что во всѣхъ артеляхъ новаго образованія видно сознательное и непреложное рѣшеніе производить слѣдующіе съ нихъ текущіе платежи въ срокъ, безъ стремленія къ обычному въ такихъ случаяхъ обновленію обязательствъ...

«Совокупность сказаннаго приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что обнаружившееся съ такою силою движеніе къ выходу изъ труднаго положенія среди крестьянъ двухъ уѣздовъ заслуживаетъ глубокаго вниманія со стороны земства и глубокой признательности къ тому, кто, побуждаясь чувствами братской любви, двинулъ его на свой собственный страхъ.»

Выслушавъ этотъ докладъ Херсонское Губернское Земское Собраніе въ засѣданіи 8 октября 1896 г. вторично постановило выразить Н. В. Левитскому благодарность за его дѣятельность на пользу экономическаго преуспѣянія населенія Херсонской губерніи и ассигновало ему 500 р. на расходы по поѣздкамъ. Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ отпустило земледѣльческимъ артелямъ, по ходатайству ихъ учредителя, сѣмянъ разныхъ травъ и огородныхъ растений.

Въ настоящее время Предсѣдатель упомянутой Коммисіи при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ для наблюденія за артельной дѣятельностью Левитскаго свидѣтельствуетъ, на основаніи его отчетовъ, о слѣдующихъ итогахъ четырехлѣтней его дѣятельности на пользу народа:

За это сравнительно короткое время устроено было Левитскимъ въ 25 селахъ 120 артелей изъ 550 семействъ, состоящихъ изъ 3.040 душъ обоего пола. Въ ссуды имъ роздано

всего 22.500 рублей. Улучшеніе же въ хозяйствѣ соединившихся въ артели крестьянскихъ семействъ выражается въ слѣдующемъ:

1. Рабочаго скота у всѣхъ крестьянскихъ семей до соединенія ихъ въ артели было 308 головъ, а нынѣ 909 головъ.

2. Стоимость живаго и мертваго инвентаря увеличилась съ 15.914 р. до 60.174 руб.

3. Площадь посѣва возросла съ 1.664 десятинъ до 3.025 десятинъ.

4. Площадь арендуемой земли увеличилась съ 152 десятинъ до 1.093 десятинъ; до учрежденія же артелей крестьяне изъ своей надѣльной земли вынуждены были сдавать другимъ въ аренду 734 десятины.

5. Изъ полученныхъ въ ссуды 22.500 рублей уже возвращено по 1 января 1899 года 7.200 руб.

и 6. Казенныя недоимки крестьянъ, составлявшія къ 1896 году 4.498 руб., уменьшились до 1.000 рублей.

Кромѣ улучшенія хозяйственнаго положенія крестьянъ, артельная дѣятельность служитъ прекраснымъ средствомъ нравственнаго воспитанія народа, приучая его къ дружной совмѣстной работѣ и постоянной чисто христіанской взаимопомощи.

Въ виду успѣшной дѣятельности Левитскаго естественно возникла мысль учредить «Общество для содѣйствія артельному дѣлу въ Россіи», которое устройствомъ земледѣльческихъ и другихъ производительныхъ артелей содѣйствовало бы подъему производительности народнаго труда и улучшенію хозяйственнаго положенія трудящагося населенія. Если это Общество будетъ разрѣшено, то поставленная имъ себѣ широкая и святая задача можетъ привлечь въ его ряды и обратить на полезную для государства работу множество образованныхъ и благожелательно расположенныхъ къ народу людей, которые теперь за недоступностью для всѣхъ государственной службы, не знаютъ къ чему приложить свои силы. Безъ содѣйствія же живыхъ Общественныхъ силъ Правительство съ одними только оффиціальными органами на мѣстахъ не въ состояніи будетъ справиться съ выдвигаемою самою жизнью задачею — улучшенія народнаго хозяйства. Взаимодѣйствіе и общія съ народомъ работа просвѣщенныхъ и преданныхъ Государству и народу людей можетъ съ одной стороны поставить на ноги опустившійся имущественно и павшій духомъ народъ, а съ другой и саму образованность нашу, оторванную отъ національныхъ основъ, вернуть на единственно вѣрную народную и историческую дорожку.

Повергая приведенныя данныя и мысли на Всемиловѣйшее Вашего Императорскаго Величества благовозврѣніе, имѣю счастье всеподданнѣйше испрашивать:

1. Не благоугодно-ли будетъ Вашему Императорскому Величеству одобрить милостивымъ Царскимъ словомъ безкорыстную службу дѣлу улучшенія народнаго хозяйства Присяжнаго Повѣреннаго Николая Левитскаго, а также намѣренія другихъ преданныхъ государству и народу людей составить общество для содѣйствія артельному дѣлу въ Россіи. Ваше Царское Слово, Государь, ободрило бы ихъ въ ихъ добромъ начинаніи и устранило бы всѣ тѣ мелкія, но трудно преодолимыя иногда препятствія, какія могутъ встрѣтиться на пути къ его осуществленію.

и 2. Всемиловѣйше разрѣшить мнѣ войти въ сношеніе съ подлежащими Министрами по вопросу о томъ, какого рода содѣйствіе могло бы быть оказано Правительствомъ столь счастливо начатому Левитскимъ дѣлу устройства производительныхъ артелей.

Предположенный Тртіемъ Ивановичемъ докладъ Государю не состоялся, вслѣдствіе болѣзни и кончины Т. И. На ходатайство учредителей Общества для содѣйствія артельному дѣлу въ Россіи объ утвержденіи устава этого общества со стороны министра внутреннихъ дѣлъ Горемыкина въ томъ же 1899 г. послѣдовалъ отказъ. Уставъ этотъ утвержденъ въ 1905 г. и Общество открыло свои дѣйствія въ августѣ 1906 г.

печатается и скоро поступитъ въ продажу новая книга

МІРУ-НАРОДУ

мой отчетъ за прожитое время. Сборникъ статей,
докладовъ, рѣчей, стиховъ и замѣтокъ

по вопросамъ христіанской нравственности, права и государ-
ственного хозяйства

Аѳ. В. Васильева.

Около 50 печ. лист. ц. 3 р. Выписывать можно изъ книжнаго склада печатни
М. П. С. (И. Н. Кушнеревъ съ тов-щи), Фонтанка, 117.

У Тузова и другихъ книготорговцевъ имѣются въ про-
дажѣ слѣдующія отдѣльныя сочиненія Аѳ. В. ВАСИЛЬЕВА,
выходящія въ свѣтъ подъ общимъ заголовкомъ РУССКОЕ
МІРОСОЗЕРЦАНІЕ:

1. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Къ столѣтію со дня его
рожденія 1804—1 мая—1904. Съ изображеніемъ А. С. Хомякова . Ц. 40 к.
2. Объ исконныхъ творческихъ началахъ и бытовыхъ особенно-
стяхъ Русскаго Народа. Изданіе 3-е " 40 "
3. Задачи и стремленія Славянофилства. " 50 "
4. О преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ I.
Изданіе 2-е " 50 "
5. Въ чемъ наша слабость, и что повелительно требуется те-
перешними обстоятельствами " 50 "
6. Первое явленіе воскресающей соборности (Складъ этой
книги—въ Петербургскомъ учебномъ магазинѣ, Петербургская сто-
рона, Большой пр., № 6) " 20 "
7. Не убій! Противъ смертной казни и исключительныхъ судовъ " 20 "
8. Памяти Т. И. Филиппова " 30 "
9. Среди страданій народныхъ " 50 "
10. Зарубежная Русь. I. Русь прикарпатская. II. Русь въ Америкѣ " 20 "
11. Воззваніе сторонниковъ соборности и свободнаго труда въ
Землѣ Русской. " 10 "
12. Уставъ Общества Соборная Россія " 10 "
13. Уставъ Общества для содѣйствія артельному дѣлу въ Россіи. " 10 "

О высылкѣ перечисленныхъ изданій, а также за разъясненіями и съ
вопросами по содержанію ихъ можно обращаться къ А. В. Васильеву:
С.-Петербургъ, Пет. ст., Звѣринская ул., д. 19, кв. 1.

2011110290